

«ПАРТИЯ НАША – ЭТО НАУКА»: К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ И ПОСЛЕДСТВИЯХ ПАРТИЙНОГО ВМЕШАТЕЛЬСТВА В СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННУЮ НАУКУ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

Рассматриваются политико-идеологические факторы партийного вмешательства в сельскохозяйственное научное знание, обусловленные имеющими место представлениями о взаимосвязи биологических и социальных процессов. Сделан вывод, что «внешние» воздействия на науку отрицательно сказывались на положении дел в сельском хозяйстве, а также вели к формированию как «зависимого» от партийных установок стиля поведения ученых, так и антинаучной психологии у производственников.

Ключевые слова: аграрная наука; сельское хозяйство; КПСС; научно-производственная интеграция; СССР

Научно-производственная интеграция в сельском хозяйстве СССР имела весьма противоречивый характер. С одной стороны, в результате активной государственной политики была создана разветвленная и довольно четко структурированная сеть аграрных научных учреждений, сформированы специализированные научно-внедренческие структуры, с другой – применение научных рекомендаций в производстве так и не приобрело массового, повсеместного характера, имел место «очаговый» эффект воздействия науки на сельскохозяйственное производство. Как считают ученые, невысокие темпы роста сельскохозяйственного производства в СССР в значительной мере определялись медленными темпами интенсификации аграрной отрасли [1. С. 296]. Сложившаяся в Советском Союзе система административно-командных методов руководства сельским хозяйством тормозила научно-производственную интеграцию в отрасли. Крайней формой администрирования было вмешательство партийных органов в содержательные аспекты аграрной науки. В исследовательской литературе отмечается данное обстоятельство. «К голосу ученых не всегда прислушиваются власть предержащие, часто принимающие волевые решения, далекие от научных рекомендаций. А было время, когда пытались заставить науку задним числом “обосновать” эти волевые решения, часто разрушительные для экономики страны и дискриминационные для народа», – писал известный ученый и организатор аграрной науки академик А.А. Никонов [2. С. 6]. Однако исчерпывающего объяснения феномену партийного вмешательства в сельскохозяйственное научное знание в исследовательской литературе не дается, не проанализированы его причины и последствия. В целях исправления сложившейся историографической ситуации и предлагается данная статья.

После Октября 1917 г. перед страной во всю ширь встали проблемы модернизации всех сфер жизни. Именно наука рассматривалась руководителями страны в качестве одного из главных катализаторов процессов развития. По мысли создателя Советского государства В.И. Ленина, именно «союз представителей науки, пролетариата и техники» должен был обеспечить успешное строительство нового общества [3. С. 189].

Изначально научная политика в СССР совершенно не предполагала вмешательства правящей партии в сфе-

ру научного знания (естественно, это касалось негуманитарных наук). Однако в августе 1948 г. партия заняла вполне определенную позицию в научном споре о природе наследственности, встав на сторону группы Т.Д. Лысенко. История эта, конечно же, не обойдена вниманием исследователей. Одни, являясь приверженцами тоталитарной концепции истории советской науки, объясняют данный феномен злой волей «многорукой и многоликой партии коммунистов... словно гигантский спрут душившей народы Советского Союза – всех жителей в целом и каждого поодиночке» и, соответственно, стремившейся уничтожить и генетику [4. С. 632]. Другие связывают данное явление с развернувшейся после окончания войны борьбой за власть в окружении Сталина [5. С. 242]. По мысли третьих, историческая необходимость развития всего научного фронта при острой нехватке средств и обусловила партийную поддержку только одного из направлений в агробиологии [6. С. 240]. Однако чтобы сложилось сколько-нибудь целостное представление о феномене вмешательства партии в сельскохозяйственную науку, необходимо использовать возможности различных исторических подходов, и в частности историко-антропологического. Суть данного подхода в «очеловечении» истории, в осмыслении социальных ориентиров и ценностей народа, идеологических и мировоззренческих установок, характерных для различных периодов и эпох и оказывающих влияние на направление исторического процесса [7. С. 186]. Целью данной статьи и является изучение партийного вмешательства в сельскохозяйственное научное знание, а также последствий этого вмешательства через призму историко-антропологического подхода.

При подготовке данного материала использовались, главным образом, архивные материалы из фондов аппарата ЦК ВКП(б) и ЦК КПСС Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) и Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ), большинство из которых вводится в научный оборот впервые.

Роль политико-идеологический фактора в истории партийного вмешательства в сельскохозяйственное научное знание нашла отражение в мемуарах Ю.А. Жданова. Его суждения для нас весьма важны, поскольку это был человек, тесными родственными узами связанный с высшим советским руководством (сын А.А. Жданова и зять И.В. Сталина), с одной сто-

роны, а также имеющий обширные связи в научной среде как курирующий вопросы науки в ЦК ВКП(б) на рубеже 1940–1950-х гг. – с другой. Ю.А. Жданов так характеризовал общественные взгляды того времени на ситуацию в биологии: «Споры вокруг биологии в период поисков исторических путей и нарастающих революционных движений приобретали характер все более и более политический, фактически отражали определенные идейные и классовые установки, позиции общественных групп и слоев... В предреволюционную и революционную эпоху сторонники преобразования общества естественно ищут себе поддержку и в природных закономерностях» [8. С. 246–247]. Следовательно, признание определяющей роли внешней среды на формирование наследственности сельскохозяйственных культур и животных служило обоснованием возможности общественной трансформации на социалистических основаниях при условии изменения общественного базиса. Вероятно, этим и объясняется то, что среди ученых, исследующих проблемы наследственности, было значительное количество членов партии, в том числе и с дореволюционным стажем, и для них как сторонников социалистического преобразования общества признание принципа унаследования благоприобретенных признаков считалось обязательным [9. С. 84].

Необходимо указать на любопытный документ, также дающий представление о «течении мыслей» в то время. В мае 1954 г. в ЦК КПСС на имя Н.С. Хрущева поступило письмо с изложением «новой теории развития природы». Автор письма, назвавшийся «коммунистом, проработавшим в партии более 34 лет», выступил с критикой эволюционной теории Ч. Дарвина, поскольку, по его мнению, «теория отбора – субъективистская буржуазная теория, которая принцип силы возвела в закон развития, бизнес в цель жизни, а борьбы или войну в средство для достижения своих целей индивидуумов, в источник развития» [10. Л. 65]. Автор отрицает господство индивидуализма в природе и заключает, что «в действительности основным звеном развития живой природы, героем ее истории был вид как общность, т.е. коллектив» [10. Л. 66]. Таким образом автором письма к советскому лидеру природные явления приводятся в соответствие с принципами организации советского общества. Любопытно, что в конце XIX в. лидер анархо-коммунистического направления П.А. Кропоткин для обоснования своей политической концепции занимался формулированием закона взаимной помощи и солидарности как всеобщего биосоциологического закона [11. С. 464, 466, 470].

Лорен Грэхэм, известный американский историк науки, писал: «Я уверен в том, что наступит время, когда роль естественных наук в идеологии русской революции и установившегося потом режима будет рассматриваться как самая необычная черта этой идеологии. Другие великие политические революции Нового времени (подобно революциям в Америке, Франции и Китае) уделяли известное внимание науке, однако ни одна из них не породила систематическую идеологию относительно физической и биологической природы, как это случилось в результате русской революции» [12. С. 8]. Конечно, трудно согласиться с Л. Грэхэмом в том, что в СССР была выработана «си-

стематическая идеология» о взаимосвязи биологических и социальных процессов, однако приведенный выше материал позволяет признать, что подобные воззрения имели своих сторонников и, естественно, оказывали влияние на их практическую деятельность.

Таким образом, вмешательство партийных структур в содержательные аспекты аграрной науки на рубеже 1940–1950-х гг. в определенной степени было вызвано распространенными представлениями о взаимосвязи биологических и социальных процессов, и в первую очередь это касалось проблем наследования благоприобретенных признаков. Однако подобное вмешательство имело и свои последствия: оно сформировало некий алгоритм действия партийной бюрократии, полагавшей, что отныне партия может и должна выступать в роли «главного контролера» в чисто научных вопросах.

Это было продемонстрировано практически сразу в связи с ситуацией вокруг травопольной системы земледелия. В этой системе, разработанной в довоенное время считавшимся «законодателем моды» в сельском хозяйстве академиком В.Р. Вильямсом, восстановление плодородия предполагалось осуществлять за счет введения в севообороты значительного клина сеяных трав. Травопольная система земледелия, по мысли ее творца, позволяла не только повысить плодородие почвы, но и существенно увеличить кормовую базу животноводства. Постепенное сокращение посевных площадей под растениеводческую продукцию планировалось компенсировать вовлечением в севообороты залежи. Однако по причине чрезмерной централизации управления аграрной отраслью от внедрения травопольной системы земледелия не получили должного эффекта. Вместе с тем вопросы практического применения этого учения, с учетом всего многообразия природно-климатических условий различных районов страны, были детально не проработаны и их можно было рассматривать лишь как научные гипотезы, нуждавшиеся в дополнительной разработке, проверке и уточнении. Поэтому в научной среде вызревает критическое отношение к данной системе. На созванных в начале лета 1950 г. союзными министерствами сельского хозяйства и высшего образования совещаниях по проблемам сельскохозяйственной науки критические выступления в отношении травопольной системы не были редкостью.

Одновременно и практические работники сельского хозяйства стали относиться к травопольной системе земледелия более настороженно. В мае 1950 г. Главным государственным инспектором по определению урожайности Б. Савельевым в письме Г.М. Маленкову было внесено предложение о проведении в печати дискуссии по ряду положений учения В.Р. Вильямса [13. Л. 75–77], а в структурах министерства сельского хозяйства СССР приступили к подготовке проекта постановления ЦК ВКП(б) «Об учении академика Вильямса В.Р. о травопольной системе земледелия», выдержанного в критическом духе [13. Л. 82–87]. Показательно, что на озабоченность ученых и практиков сельского хозяйства сложившейся ситуацией в отрасли партийная бюрократия отреагировала весьма своеобразно. В высших партийных органах «поведение» ученых, не санкционированное свыше,

было определено как «неправильное» [13. Л. 75–77] и эта важнейшая научно-производственная проблема не получила своего разрешения. К ее обсуждению вернулись только тогда, когда развернулось массовое освоение целинных и залежных земель.

Смена власти в СССР в 1953 г. не привела к изменению алгоритма поведения партийных работников по отношению к аграрной науке. В отношении партии к сельскохозяйственной науке оттепель так и не наступила. Однако в отличие от предшественников, идеологическая подоплека, обусловившая вмешательство партии в содержательные аспекты сельскохозяйственной науки в предшествующие годы, новую генерацию партийных работников волновала мало. Для Н.С. Хрущева было характерно чисто потребительское отношение к сельскохозяйственной отрасли, целостного понимания и осознания ее специфики у него не было. Во время одного сельскохозяйственного совещания он заявил: «Мне хоть бы черт, лишь бы яйца нес... Нам нужна такая система земледелия, которая дает больше хлеба и других продуктов» [14. С. 23]. И данный утилитарный подход обусловил поддержку со стороны нового советского лидера тех ученых, которые были талантливы в придумывании «чертей, несущих яйца». Вне конкуренции в данном отношении был академик Т.Д. Лысенко, который, по свидетельству современника, выдавал «ослепительный фейерверк практических предложений...» [15. С. 26]. Многочисленные письма в ЦК КПСС, адресованные лично Н.С. Хрущеву, от ученых, обеспокоенных ситуацией в аграрной науке и производстве, как правило, им не читались, а переадресовывались аппарату с указанием «рассмотреть письма ученых о положении в сельскохозяйственной науке и подготовить предложения» [16. Д. 34. Л. 1].

Что касается партийного аппарата, то он, прекрасно ориентируясь в «научных» симпатиях и антипатиях первого лица, следуя «партийной» линии, оказывал всяческую поддержку симпатизантам и, напротив, критиковал их оппонентов. Например, в октябре 1953 г. директору Чувашской селекционной станции Я. Лукьяненко на приеме в обкоме партии было заявлено о недопустимости критического отношения к приемам «яровизации, солнечного обогрева, дополнительного опыления», так как они «апробированы партией и правительством» [17. Л. 31]. В письме на имя Г.М. Маленкова Я. Лукьяненко просил последнего нормализовать ситуацию в отношении аграрной науки, «а то дело борьбы за высокий урожай и высокую продуктивность животноводства от этого сильно страдает, тормозится» [17. Л. 32].

В лучшем случае, отношение партийной бюрократии к оппонентам Т.Д. Лысенко «ограничивалось общей неделовой поддержкой» [18. Д. 516. Л. 8]. Со стороны ученых представители партийного аппарата получили характеристику как «Молчалины нового типа», которые «потеряют шанс стать статскими советниками, если вдруг приобретут собственное мнение, расходящееся с традицией» [18. Д. 418. Л. 253, 256].

Для выяснения взглядов партийных работников на сельскохозяйственную науку весьма показательна дискуссия второй половины 1950-х гг. между ученым-биологом А.А. Любищевым и инструктором сельско-

хозяйственного отдела ЦК КПСС В.П. Орловым. Важно, что этих людей связывали теплые человеческие отношения, они уважительно относились друг к другу. В.П. Орлов высоко оценивал перед коллегами – партийными функционерами своего оппонента как выдающегося ученого и преданного Родине человека [15. С. 147]. А.А. Любищев, в свою очередь, считал В.П. Орлова редким в партийной среде человеком, «искренне стремящимся найти истину» и не проявляющим «никакой чрезмерной почтительности перед авторитетами» [15. С. 133].

Тем не менее дискуссия о роли партии в развитии аграрной науки приобрела настолько острый и бескомпромиссный характер, что едва не привела к разрыву отношений между этими людьми. А.А. Любищев критиковал В.П. Орлова как сторонника партийного вмешательства в научные вопросы [15. С. 133]. В.П. Орлов, уповая на классовый характер науки, отстаивал право партии на руководство наукой: «...партия наша – это наука», – писал он [15. С. 136]. Полемизируя со своим оппонентом, А.А. Любищев акцентировал внимание на том, что «в таком вопросе, как влияние удобрений на поля, классовый элемент отсутствует» [15. С. 139]. Важно отметить, что еще в мае 1954 г. в письме к Н.С. Хрущеву А.А. Любищев обозначил свое понимание партийности в науке. Для него партийность – это не распространенное в то время «искажение истины в политических интересах», а «предпочтение темам, связанным с разрешением великих проблем социалистического строительства и что при этом никакое искажение или замалчивание истины недопустимо» [18. Д. 464. Л. 5].

Именно присвоение партийным аппаратом несвойственных для него функций науки и обусловило формулирование в III Программе КПСС тезиса о поддержке «мичуринского направления в биологической науке, которое исходит из того, что условия жизни являются ведущими в развитии органического мира» [19. С. 174].

Партийные органы не только «санкционировали» разработку и применение тех или иных агроприемов, но и, по сути, «инициировали» их. Так, Н.С. Хрущев, после нескольких посещений КНР, находился под впечатлением китайского опыта, где сельское хозяйство ведется практически без паров. С его подачи Алтайский научно-исследовательский институт сельского хозяйства в 1959 г. выступил с пропагандой «пропашной системы» земледелия с ликвидацией чистых паров и их заменой пропашными культурами [20]. Естественно, что пропашная система земледелия получила высокую оценку и поддержку партии и лично Н.С. Хрущева [21. С. 3] и с весны 1962 г. насаждается на территории Сибирского региона, что негативно отразилось на экономических показателях.

«Партийное руководство» сельскохозяйственной наукой в подобной форме вело к дезорганизации научно-исследовательской работы, формировало особый, «зависимый» от партийной бюрократии, стереотип поведения ученых. Президент АН СССР академик А.Н. Несмеянов в докладе на Московском активе ученых в 1957 г. говорил, что «надо расстаться с привычкой ожидать по всякому вопросу указаний сверху».

Дело самих ученых в результате конкретных исследований на основе творческого применения марксизма выявлять закономерности и новые явления в своей отрасли науки, а не ждать каких-либо руководящих указаний, чтобы затем их пересказать. Между тем привычка ждать официальной апробации стала распространяться и в естественных науках» [22].

«Подчинение» науки партийным установкам приводило к тому, что практика руководства сельским хозяйством приобретала все более бюрократический и централизованный характер. Секретари обкомов, по свидетельству современников, превратились в «тех же генерал-губернаторов, только с большими правами» [23. Л. 2]. Важные хозяйственные решения волевым порядком принимались в партийных инстанциях и спускались производственникам для исполнения. В сложившейся системе управления специалисты сельского хозяйства становились лишним звеном, выполняющая «роль козлов отпущения за плохие, неудовлетворительные итоги такого хозяйствования» [23. Л. 126].

Деформация партийных взглядов на сельскохозяйственную науку привела к смене алгоритма выполнения важнейших научно-производственных программ развития отрасли. Наиболее красноречиво об этом свидетельствует история освоения целины. Как известно, впервые вопрос о создании на востоке СССР новой зерновой базы был поставлен в практическую плоскость в ходе выездной сессии зерновой секции ВАСХНИЛ в Омске в июле 1936 г. Примечательно в данном случае то, что партийные структуры при обсуждении вопросов целинного освоения обратились, в первую очередь, к ученым. Участниками сессии были выдающиеся отечественные ученые (Н.И. Вавилов, Н.М. Тулайков, Г.Д. Карпеченко и др.), иностранные гости, а также ученые, представляющие регионы будущего целинного освоения – Сибирь и Казахстан. В результате обсуждения вопроса о масштабах освоения целины было решено создать «вторую Украину» на востоке Союза ССР за счет освоения 11 700 тыс. га в годы третьей пятилетки [24]. Рекомендации ученых нашли отражение в решениях XVIII съезда ВКП(б) [25. С. 65–66], однако в условиях нарастающей военной угрозы проблемы массового освоения целины отошли на второй план.

В середине 1950-х гг. вопросы освоения целинных и залежных земель уже решались совершенно по-иному. Советский лидер Н.С. Хрущев обратился на этот раз не к ученым, как это было сделано в 1936 г., а к представителям партийно-советской бюрократии: по его указанию предложения об увеличении производства зерна посредством распашки целинных земель внесли в ЦК КПСС министры сельского хозяйства СССР и РСФСР, секретарь крайкома партии и председатель крайисполкома из Алтайского края, секретарь Омского обкома КПСС [26].

В результате многие важные научные проблемы по отводу земель под целинное освоение, агротехнике их обработки были не решены. Правда, при подготовке материалов в Президиум ЦК КПСС по целинной проблематике Н.С. Хрущев опирался и на записку Т.Д. Лысенко о прогнозируемой урожайности на целинных и залежных землях [16. Д. 1. Л. 4]. Однако Лысенко специалистом по ведению сельского хозяй-

ства в степных и засушливых регионах страны не являлся. Насколько представители партийно-советской бюрократии, связанные жесткой партийной дисциплиной и иерархической соподчиненностью, отражали интересы «своих» регионов, заботились о рациональном построении хозяйства на целине, свидетельствует записка в ЦК КПСС секретаря Омского обкома, в которой предлагалось следующее: «Поскольку вовлекаемые под посев пшеницы площади исключаются из использования под кормовые, необходимо эту убыль в кормах восполнить предоставлением колхозам области в долговременное использование не менее 500 тысяч гектаров неиспользованных целинных земель Казахской ССР, прилегающих к границам области» [26]. В итоге принципиальным ученым, сторонникам научных подходов в деле целинного освоения пришлось «работать почти в одиночку и часто терпеть поражения» [27. С. 438].

На февральско-мартовском 1954 г. пленуме ЦК КПСС была определена начальная цифра в 13 млн га, которая, как мы видим, близка к намеченным показателям 1936 г., однако затем планы распашки были значительно увеличены – до 40 млн га [25. С. 84–86].

Последующий опыт освоения целины показал, что данные цифры являлись завышенными. В Казахстане, например, распахивались полупустынные и пустынные территории [28. С. 50]. В Алтайском крае подъем целины и залежей уже в 1954 г. во многих районах превысил площадь пригодных для освоения земель [29. С. 84].

Забвение аграрной науки обернулось эрозией почвы, черными бурями, огромными производственными потерями и людскими трагедиями. В итоге подобной партийной политики по «фруководству» сельскохозяйственной наукой, ухудшались не только производственные показатели в аграрной отрасли, но, что еще хуже, формировалась антинаучная психология у производственников. Практические работники, чтобы поддерживать свои хозяйства «на плаву», вынуждены были не столько следовать «научным рекомендациям», сколько уметь обходить их. Один из агрономов в письме Н.С. Хрущеву в середине 1950-х гг. отмечал, «что если бы мы точно выполняли все директивы, то на полях из-за чертополоха не видно было бы пшеницы» [16. Д. 34. Л. 42].

В нашей стране исторически политический фактор играл доминирующую роль. Поэтому нормализация в отношениях между партией и аграрной наукой началась после очередной смены власти в высших партийных органах в середине 1960-х гг. Процесс этот был весьма и весьма непростым. Партийным структурам следовало отказаться от «научных» функций, и роль партии, как полагали ученые, должна была сводиться к следующему: ставить перед учеными определенные задачи и поручать их определенным лицам, имеющим крупный научный авторитет; давать средства и требовать отчета в израсходовании; организовывать контроль за целесообразностью расходования средств [15. С. 203]. Как ни довели над партийными работниками стереотипы и традиции недавнего прошлого, все-таки проблема «партийного излишества» в аграрной науке постепенно решалась. Одновременно сельскохозяйственные научные учреждения освобождались от особого типа «открывателей» истины, которые действова-

ли по простому рецепту: «...методику надо засекретить, тема должна быть производственно актуальной, нужно заявить, что такой-то ранее признанный авторитет, желателен из иностранцев, вовсе не ученый, а враг науки и материализма» [18. Д. 419. Л. 62–63].

Усилия, предпринятые в указанных направлениях, привели к позитивному результату. По свидетельству ученых, в результате преобразований в сельскохозяйственной науке в 1970-е гг. начался «золотой этап», в частности в области селекции [30. С. 10]. Использование более гибких хозяйственных решений привело к появлению в стране мест, где успешно решались проблемы научно-производственной интеграции. Это были либо регионы, где бюрократизация управления отраслью присутствовала в меньшей степени (советские республики Прибалтики, которые к тому же и неплохо финансировались), либо «пилотные» регионы по реализации аграрных научно-производственных проектов (Молдавская ССР), либо места, где ученые и региональные руководители смогли наладить эффективное сотрудничество (например, Омская область). Однако данные процессы оказались не завершены, так как по времени совпали с нарастанием кризиса советской системы.

Таким образом, вмешательство партии в сельскохозяйственное научное знание было вызвано как ложными представлениями о взаимосвязи биологических и социальных процессов, так и стремлением изменить в лучшую сторону ситуацию в сельском хозяйстве посредством внедрения в производство обещающих быстрый экономический эффект «чудо-рекомендаций». Это вмешательство проявлялось в санкционировании тех или иных разработок, в инициировании «проектов», которые впоследствии получали «научное» обоснование, в бюрократизации реализации важнейших научно-производственных программ. Вследствие этого формировался «зависимый» от решений «сверху» стереотип поведения ученых, с одной стороны, и складывалась антинаучная психология у производителей – с другой. В результате ограничивались возможности научно-технического прогресса, ухудшались производственные показатели в сельскохозяйственной отрасли. Преодоление допущенных ошибок открыло возможности для интеграции аграрной науки и производства, однако негативный сценарий развития страны не позволил им реализоваться в полной мере.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сельскохозяйственная практика: противоречия перестройки. М.: Агропромиздат, 1989. 444 с.
2. Никонов А.А. Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVIII–XX вв.). М.: Энциклопедия российских деревень, 1995. 574 с.
3. Ленин В.И. Речь на II Всероссийском съезде работников медико-санитарного труда 1 марта 1920 г. // Полное собрание сочинений. 5-е изд. М.: Политиздат, 1974. Т. 40. С. 188–189.
4. Сойфер В.Н. Власть и наука (история разгрома коммунистами генетики в СССР). 4-е изд., перераб. и доп. М.: ЧеРо, 2002. 691 с.
5. Жуков Ю.Н. Сталин: тайны власти. М.: Вагриус, 2007. 720 с.
6. Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. Книга вторая. От Великой Победы до наших дней. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. 640 с.
7. Кром М.М. Историческая антропология: учеб. пособие. 3-е изд., испр. и доп. СПб.; М.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге: Квадрига, 2010. 214 с.
8. Жданов Ю.А. Взгляд в прошлое: воспоминания очевидца. Ростов н/Д.: Феникс, 2004. 448 с.
9. Дубинин Н.П. Вечное движение. 3-е изд., испр. и доп. М.: Политиздат, 1989. 448 с.
10. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 5. Д. 34.
11. Кропоткин П.А. Записки революционера. М.: Мысль, 1990. 526 с.
12. Грэхэм Л.Р. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе: пер. с англ. М.: Политиздат, 1991. 480 с.
13. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 138. Д. 203.
14. Богатства земли – на службу Родине: Материалы совещания работников сельского хозяйства Сибири 25-26 ноября 1961 г. в г. Новосибирске. М.: Политиздат, 1962. 242 с.
15. Любимцев А.А. В защиту науки: Статьи и письма. Л.: Наука, 1991. 295 с.
16. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 45.
17. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 24. Д. 574.
18. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 17.
19. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898–1988): в 15 т. Т. 10: 1961–1965. М.: Политиздат, 1986. 493 с.
20. Сельское хозяйство. 1959. 1 декабря.
21. Наливайко Г.А. Пропащная система земледелия. Барнаул: Алт. книж. изд-во, 1962. 178 с.
22. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 35. Д. 52. Л. 100–101.
23. РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 22. Д. 263.
24. Омская правда. 1936. 1 августа.
25. Куликов В.И. Исторический опыт освоения новых земель. М.: Мысль, 1978. 253 с.
26. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 24. Д. 538. Л. 23.
27. Орловский Н.В. Страницы истории аграрной науки XX века (воспоминания ученого). Новосибирск: РАСХН, Сиб. отд-е, 1999. 440 с.
28. Кузьмин М.А. Освоение целинных земель и современная аграрная реформа в Казахстане // Вестник Московского университета: География, серия 5. 2004. № 3. С. 48–54.
29. Освоение целинных и залежных земель в 1954 году. Материалы совещания при Академии наук СССР по итогам и перспективам научно-исследовательских работ в области освоения целинных земель (21–26 февраля 1955 г.). М.: АН СССР, 1956. 388 с.
30. Сборник научных работ, посвященных 170-летию Сибирской аграрной науки. II том. Селекция и семеноводство, механизация. Омск: Фракта, 1998. 165 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 3 апреля 2021 г.

“Our Party Is Science”: On the Causes and Consequences of the Party’s Interference in Agricultural Science in the Soviet Union

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 472, 147–152.

DOI: 10.17223/15617793/472/18

Aleksandr V. Rychkov, Omsk State Technical University (Omsk, Russian Federation). E-mail: alex-rychkov@mail.ru

Keywords: agricultural science; agriculture; Communist Party of Soviet Union; research and production integration; USSR.

Through the prism of the historical and anthropological approach, which presupposes the important role of ideological and worldview factors in the life of society, the article examines the reasons for party interference in agricultural scientific knowledge and analyzes its consequences. Initially, this interference was caused by the ideas existing in society about the relationship between biological and social processes, which led to the party structures' support of scientists who defended the decisive influence of the external environment on the formation of heredity of crops and animals. These ideas were considered as an additional justification for the possibility of social transformation on socialist grounds, provided that the social basis changes and the individualistic psychology in people's minds is overcome. However, the precedent of "ideological" interference in agricultural science served as the basis for further steps in this direction and on problems that did not have a political and ideological "sound". Party interference in the field of agricultural scientific knowledge manifested itself in the authorization of certain developments, in the initiation of "projects" that subsequently received "scientific" substantiation, in the bureaucratization of the implementation of the most important scientific and production programs, as happened with the program for the development of virgin and fallow lands. At the same time, the ideological factor gradually lost its significance, and a utilitarian approach was established in the party's attitude to agricultural science, the essence of which was as follows: the party will support the one who "promises" more. As a result of party interference in scientific knowledge, a stereotype of the behavior of scientists "dependent" on decisions "from above" was formed, which affected not only the agrarian science, but also other natural sciences. At the same time, an anti-scientific psychology was formed among production workers, who were forced not so much to follow scientific recommendations as to evade their implementation. As a result, the possibilities of scientific and technological progress were limited, production indicators in the agricultural sector worsened. Overcoming the mistakes made since the mid-1960s opened up opportunities for accelerating the integration of agricultural science and production. In the USSR, there appeared specific "oases" of agrarian well-being, with quite "harmonious" relations between agricultural science and production. However, the negative scenario of the country's development did not allow the positive trends that had been identified to be fully realized.

REFERENCES

1. Lisitsyna, O.L. (ed.) (1989) *Sel'skokhozyaystvennaya praktika: protivorechiya perestroiki* [Agricultural practice: contradictions of perestroika]. Moscow: Agropromizdat.
2. Nikonov, A.A. (1995) *Spiral' mnogovekovoy dramy: agrarnaya nauka i politika Rossii (XVIII–XX vv.)* [Spiral of Centuries-Old Drama: Agrarian science and politics of Russia (XVIII–XX centuries)]. Moscow: Entsiklopediya rossiyskikh dereven'.
3. Lenin, V.I. (1974) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. 5th ed. Moscow: Politizdat. 40. pp. 188–189.
4. Soyfer, V.N. (2002) *Vlast' i nauka (istoriya razgroma kommunistami genetiki v SSSR)* [Power and Science (the History of the Defeat of Genetics by the Communists in the USSR)]. 4th ed. Moscow: CheRo.
5. Zhukov, Yu.N. (2007) *Stalin: tayny vlasti* [Stalin: Secrets of power]. Moscow: Vagrius.
6. Kara-Murza, S.G. (2002) *Sovetskaya tsivilizatsiya. Kniga vtoraya. Ot Velikoy Pobedy do nashikh dney* [Soviet Civilization. Book two. From the Great Victory to the present day]. Moscow: EKSMO-Press.
7. Krom, M.M. (2010) *Istoricheskaya antropologiya* [Historical Anthropology]. 3rd ed. Saint Petersburg; Moscow: The European University at Saint Petersburg: Kvadriga.
8. Zhdanov, Yu.A. (2004) *Vzglyad v proshloe: vospominaniya ochevidtsa* [A Look into the Past: the Memories of an eyewitness]. Rostov-on-Don: Feniks.
9. Dubinin, N.P. (1989) *Vechnoe dvizhenie* [Perpetual Motion]. 3rd ed. Moscow: Politizdat.
10. Russian State Archive of Contemporary History (RGANI). Fund 5. List 5. File 34.
11. Kropotkin, P.A. (1990) *Zapiski revolyutsionera* [Notes of a Revolutionary]. Moscow: Mysl'.
12. Grekhem, L.R. (1991) *Estestvoznaniye, filosofiya i nauki o chelovecheskom povedenii v Sovetskom Soyuze* [Natural Science, Philosophy and Sciences of Human Behavior in the Soviet Union]. Translated from English. Moscow: Politizdat.
13. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 17. List 138. File 203.
14. Anon. (1962) *Bogatstva zemli – na sluzhbu Rodine: Materialy soveshchaniya rabotnikov sel'skogo khozyaystva Sibiri 25–26 noyabri 1961 g. v g. Novosibirsk* [The riches of the earth – for the service of the Motherland: Materials of the meeting of agricultural workers of Siberia on 25–26 November 1961 in Novosibirsk]. Moscow: Politizdat.
15. Lyubishchev, A.A. (1991) *V zashchitu nauki: Stat'i i pis'ma* [In Defense of Science: Articles and letters]. Leningrad: Nauka.
16. Russian State Archive of Contemporary History (RGANI). Fund 5. List 45.
17. Russian State Archive of Contemporary History (RGANI). Fund 5. List 24. File 574.
18. Russian State Archive of Contemporary History (RGANI). Fund 5. List 17.
19. Egorova, A.G. & Bogolyubova K.M. (eds) (1986) *KPSS v rezolyutsiyakh i resheniyakh s'ezdov, konferentsiy i Plenumov TsK (1898–1988)* [CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and Plenums of the Central Committee (1898–1988)]. Vol. 10. Moscow: Politizdat.
20. *Sel'skoe khozyaystvo*. (1959) 1 December.
21. Nalivayko, G.A. (1962) *Propashnaya sistema zemledeliya* [The Tilled System of Agriculture]. Barnaul: Alt. knizh. izd-vo.
22. Russian State Archive of Contemporary History (RGANI). Fund 5. List 35. File 52. Pages 100–101.
23. Russian State Archive of Contemporary History (RGANI). Fund 556. List 22. File 263.
24. *Omskaya pravda*. (1936). 1 August.
25. Kulikov, V.I. (1978) *Istoricheskiy opyt osvoeniya novykh zemel'* [Historical Experience of the Development of New Lands]. Moscow: Mysl'.
26. Russian State Archive of Contemporary History (RGANI). Fund 5. List 24. File 538. Page 23.
27. Orlovskiy, N.V. (1999) *Stranitsy istorii agrarnoy nauki XX veka (vospominaniya uchenogo)* [Pages of the History of Agricultural Science of the Twentieth Century (Memoirs of a scientist)]. Novosibirsk: Russian Academy of Agricultural Sciences, Siberian Branch.
28. Kuz'min, M.A. (2004) Development of virgin lands and the present-day agrarian reforms in Kazakhstan. *Vestnik Moskovskogo universiteta: Geografiya, seriya 5 – Moscow University Bulletin. Series 5, Geography*. 3. pp. 48–54. (In Russian).
29. USSR AS Dokuchaev Soil Science Institute. (1956) *Osvoenie tselinnykh i zaleznykh zemel' v 1954 godu. Materialy soveshchaniya pri Akademii nauk SSSR po itogam i perspektivam nauchno-issledovatel'skikh rabot v oblasti osvoeniya tselinnykh zemel' (21–26 fevralya 1955 g.)* [Development of virgin and fallow lands in 1954. Materials of the meeting at the Academy of Sciences of the USSR on the results and prospects of scientific research in the field of development of virgin lands (21–26 February 1955)]. Moscow: USSR AS.
30. Anon. (1998) *Sbornik nauchnykh rabot, posvyashchennykh 170-letiyu Sibirskoy agrarnoy nauki* [Collection of scientific papers dedicated to the 170th anniversary of Siberian agricultural science]. Vol. 2. Omsk: Fraktal.

Received: 03 April 2021